

**Эволюционная теория и эволюционная практика
в эволюционирующем мире**

© 2020 г. М.Б. Конашев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 5.*

E-mail: mbkonashev@mail.ru

Поступила 08.01.2018

Первые научные теории эволюции, теория биологической эволюции и теория социальной эволюции, возникнув в XIX в. исторически как отдельные самостоятельные учения Ч. Дарвина и К. Маркса, по мере своего развития, преобразовывались затем в полноценные научные теории эволюции и в концепцию глобального эволюционизма. Они оказали и оказывают огромное влияние не только на естественные и гуманитарные науки, но и на культуру в целом, на мышление и представление человека о себе и мире. Создатели «синтетической теории эволюции», названной Б.М. Медниковым дарвинизмом в XX в., в особенности Дж. Хаксли и Ф.Г. Добржанский, настаивали, что человек уже стал главным фактором эволюции, от которого зависят его собственное существование и эволюция, существование и эволюция всего живого на Земле. Таким образом, эволюция человека переходит в свою новую стадию и становится действительно человеческой эволюционной гуманистической практикой. Теория этой эволюции и перехода к ней является теорией перехода от предыстории человека к собственно человеческой истории, формирующейся наукой о человеке, созидающем собственное эволюционирующее бытие и очеловеченную вселенную.

Ключевые слова: эволюционная теория, эволюционизм, эволюция материи, эволюция человека, эволюционная практика.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–88–98

Цитирование: *Конашев М.Б. Эволюционная теория и эволюционная практика в эволюционирующем мире // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 88–98.*

Evolutionary Theory and Evolutionary Practice in the Evolving World

© 2020 Mikhail B. Konashev

*Saint-Petersburg Branch of Institute of the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, 5/2, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.*

E-mail: mbkonashev@mail.ru

Received 08.01.2018

The first scientific theories of evolution, the theory of biological evolution and the theory of social evolution, having arisen in the 19th century historically as Ch. Darwin and K. Marx separate and independent doctrines, in process of its development were transformed into modern scientific theories of evolution and into the concept of global evolutionism. They influenced greatly not only on science and the humanities, but also on culture in general, on thinking of people and their worldview. Founders of “the synthetic theory of the evolution” called by B.M. Mednikov Darwinism in the 20th century, in particular J. Huxley and Th. Dobzhansky insisted that man already became the main factor of evolution which determine his own existence and evolution as well as existence and evolution of the whole organic world. Thus, the evolution of man transforms into its new stage and becomes really human one, that is an evolutionary humanistic practice. The theory of this evolution and transition to it is the theory of transition from pre-history of man to actually human history, and the origin of science of man creating his own evolving human being and evolving Universe humanized by him.

Keywords: evolutionary theory, evolutionism, evolution of matter, evolution of man, evolutionary practice.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3-88-98

Citation: Konashev, Mikhail B. (2020) ‘Evolutionary Theory and Evolutionary Practice in the Evolving World’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2020), pp. 88–98.

От эволюционных учений к эволюционным теориям и всеобщему эволюционизму

В 2009 г. по всему миру с большим масштабом отмечалось 150-летие со дня выхода в свет (24 ноября 1859 г.) книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» и 200-летие со дня рождения написавшего эту книгу великого ученого (род. 12 февраля 1809 г.). Эволюционная теория Ч. Дарвина была первой *научной теорией* эволюции, оказавшей огромное влияние не только на естественные и гуманитарные науки, но и на культуру в целом, на мышление и представление о мире сначала нескольких тысяч, затем сотен тысяч и, наконец, миллионов людей, принадлежавших к разным социальным классам, имевших разное гражданство, или подданство, разные верования и убеждения. Именно благодаря этой теории началась великая трансформация науки и представления человека о самом себе и мире, которая может быть названа *эволюционной революцией*. Начались непростой противоречивый процесс преобразования представлений человека о мире и о самом себе, и изменение того, что принято называть научной картиной мира, все более становившейся эволюционной картиной эволюционирующего мира. Человек оказался перед необходимостью признать, что не просто «все течет, все изменяется»,

а что отдельные части мира, включая его самого, и мир в целом постоянно, непрерывно развиваются, эволюционируют, становясь тем, чем они не были раньше. Стал изменяться и предмет науки в целом, которым все более становилась эволюция.

Уже во второй половине XIX в. не было недостатка в эволюционных идеях, в концепциях и теориях, претендовавших на объяснение самых разных эволюционных процессов и явлений, микро-, макро- и мегаэволюций и даже эволюции всего универсума. Если мир един, независимо от того, почему он един, потому ли, что он материален, или потому, что в основе своей идеален (сотворен ли богом или есть результат воплощения и развития абсолютного духа), и если *доказано*, что какая-либо часть этого мира развивается, находится в процессе постоянной эволюции, будь то эволюция звезд, биологических видов или социальных классов, то логично предположить, что и весь мир, универсум в целом тоже развивается, представляет собой единый и всеобщий процесс эволюции. Однако одно дело идея эволюции, философский принцип, который в разной форме и в разной степени обоснованности выдвигался, и другое дело научная теория эволюции. Последняя не только должна доказать сам факт эволюции, но и объяснить ее механизм. По ряду причин XIX в. остался веком появления и развития всего нескольких теорий эволюции, относившихся лишь к определенной, сравнительно хорошо изученной предметной области. В астрономии это появившаяся еще в конце предыдущего столетия теория эволюции солнечной системы И. Канта (1775) и П. Лапласа (1796), в биологии теория эволюции видов Ч. Дарвина (1859), мутационная теория Г. де Фриза (1903), теория номогенеза Л.С. Берга (1922), в социологии теория эволюции капитализма К. Маркса (1867) и М. Вебера (1905). Перечень далеко не полный, но вполне отражающий фрагментарность и мозаичность складывавшейся научной эволюционной картины мира. Представление о всеобщности эволюции получает свое признание и отражение не только в трудах, предназначенных для самих ученых, но и в научно-популярных и даже энциклопедических изданиях. В то же время оно так и остается скорее философским, чем действительно научным.

В XX в. появляется целый ряд научных эволюционных концепций и теорий. Естественно было предположить, что раз эволюция есть установленный факт и эволюционирует все, вся вселенная в целом, весь универсум, а эволюция его отдельных частей и элементов уже получила свое теоретическое выражение и объяснение, то может и даже должна получить свое теоретическое объяснение и выражение и эволюция всего универсума, эволюция всеобщего целого. Это предположение получило претендующее на некий теоретический или метатеоретический статус выражение в концепции глобального эволюционизма [Глобальный... 1994; Моисеев 1991; 1993; Черникова 1987]. Разумеется, и идея универсальной теории эволюции, и концепция глобального эволюционизма были встречены неоднозначно. У них появились как свои горячие сторонники и противники, так и, что более важно, свои существенные и сущностные проблемы. В значительной степени содействовав превращению научной картины мира именно в эволюционную картину, глобальный эволюционизм также остался скорее философской концепцией, чем научной теорией в собственном смысле слова.

В то же время, как в связи с глобальным эволюционизмом, так и независимо от него, периодически предлагаются концепции, претендующие на статус или философской доктрины всеобщей эволюции, или научной теории универсальной эволюции [См., например: Jantsch 1980; Розенталь 1984; Эволюция 2003]. Однако в отличие от теории эволюции Ч. Дарвина и ее преемницы, «синтетической теории эволюции» (СТЭ), в свою очередь трансформировавшейся в современную эволюционную теорию, или от теории общественно-экономических формаций продолжения и развития, сравнимого с продолжением и развитием этих теорий, они не получили. Налицо некая проблема, без решения которой, очевидно, невозможно как становление и последующее развитие эволюционизма и эволюционной картины мира, так и качественный скачок в развитии уже имеющихся эволюционных теорий. Что же это за проблема?

Спорить с тем, что мир и его составляющие эволюционируют, никто из ученых, дорожащих своей репутацией, в XX в. уже не пытался. Сам *факт* эволюции представлял собой такую целостную *совокупность* фактов, взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга, что стоило попытаться оспорить хотя бы один и неизбежно пришлось бы оспаривать множество других. То, что называют научной картиной мира, уже не могло быть никаким другим полотном, как грандиозной, величественной и почти необъятной фреской развивающегося мира, универсума, находящегося в состоянии *перманентной эволюции*, включающей различные *революции* – геологические, биологические, социальные, качественные скачки и механизмы перехода одной стадии той или иной эволюции в другую. Но споры даже вокруг конкретных эволюционных теорий, таких как теория эволюции органического мира или теория эволюции только одной из звезд (Солнца), никогда не прекращались и не прекратятся даже среди самих ученых. Что, конечно, вовсе не означает, что в этих теориях нет ничего доказанного, действительно истинного, и они всего лишь тексты, равноценные любым другим. Как не означает и того, что можно заявлять об их несостоятельности и даже о том, что они опровергнуты, не приведя соответствующих доказательств, отвечающих нормам и критериям, принятым в науке. Поэтому, несмотря на всю справедливость критики науки, на всю ограниченность и относительность устанавливаемых ею истин, наука все же добывает новые факты, новые знания, устанавливает новые истины, а не занимается изготовлением произвольных высказываний и их тиражированием. В науке всегда есть некая понятийная твердь, открыв которую и встав на которую, можно идти дальше, вперед, в еще неизведанные пространства, в том числе, как и в притче, по воде. И человек благодаря науке уже не первый день «ходит» по воде, по воздуху и даже по безвоздушному пространству.

Основные теории эволюции, будь то современная теория биологической эволюции или теория эволюции вселенной, не могут быть отброшены. От них уже невозможно отказаться и по сугубо материальным причинам, включая экономические. Любые устаревшие, частично, либо полностью ошибочные первоначальные теории эволюции могут быть только заменены новыми, более сложными и более адекватными, точнее и полнее отражающими и объясняющими свои предметные области, т. е. *частные эволюции*, представляющие собой отдельные части и стадии общей эволюции материи. Таким образом, теории частных эволюций, в первую очередь теория биологической эволюции в виде теории эволюции Ч. Дарвина, и теория социальной эволюции в виде теории общественно-экономических формаций К. Маркса, составной частью которой является теория эволюции капитализма, возникнув исторически как отдельные самостоятельные учения, по мере своего развития, сбрасывая свои исторические формы, преобразовывались в полноценные научные теории, продолжающие развиваться.

Степень и качество этого преобразования для каждой теории частной эволюции различны. Если теория биологической эволюции является более разработанной, вокруг нее меньше споров среди биологов, особенно среди эволюционистов, и конкурирующие концепции выдвигаются часто не биологами, а физиками, философами, историками науки, а также балетристами, религиозными деятелями и просто любителями прославиться любым способом, то единой, общепринятой теории социальной эволюции нет. Наиболее разработанной теорией социальной эволюции остается теория смены общественно-экономических формаций К. Маркса в ее современном, модернизированном виде. Причина тому не только в большей вовлеченности и встроенности идеологии в теорию социальной эволюции, но и в гораздо большей сложности, на целый «эволюционный шаг» социальной эволюции по сравнению с биологической. В самых сложных биологических производствах в принципе еще отсутствует целый ряд компонентов и подсистем социальных производств. Достаточно бегло сравнить сходные по функциям и задачам подсистемы в биологическом и социальном мире, скажем, энергетическую систему такого близкого человеческому виду, как шимпанзе, и энергетическую систему (совокупность систем) самого человека. Имеющиеся теории

частных эволюций не только становятся все более полноценными, все более сложными и развитыми, но и всё в большей степени являются основой постоянно развивающейся научной эволюционной картины мира и эволюционной практики.

Всеобщая и частные эволюции

В идеалистической философии и теологии основанием всеобщности и единства мира является всеобщность и единство его идеального начала и сущности, будь то Абсолютный Дух, или Господь. В материалистической философии и в науке всеобщность и единство мира обусловлены его материальностью и развитием, его эволюцией. Универсум в целом – это материя, эволюция универсума – это эволюция материи в целом. Когда-то не было человека, еще раньше Земли, еще раньше Солнечной системы, а еще раньше той Вселенной, которая существует сейчас. Тот мир, который стал известен и понятен человеку благодаря науке, им же созданному инструменту, предстает в современной научной картине мира как мир *перманентной всеобщей эволюции*, все части которого в своем эволюционном развитии взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Таким образом, между частными эволюциями помимо материальности и развития есть некое общее, внутреннее, сущностное, происходящее из развития этих взаимосвязей и взаимообусловленностей, из связи и преемственности между стадиями всеобщей эволюции, из порождения одной стадии эволюции другой, а именно сам механизм эволюции, заключающийся в противоречивом взаимодействии составляющих его частей. Конкретность и уникальность этих частей, этих стадий общей эволюции создают конкретность и уникальность их взаимодействия. Генеральная тенденция эволюции мира от простого, стихийного, пассивного взаимодействия к сложному, активному и, в конечном итоге, к сознательному взаимодействию.

Если верно положение, что ключ к анатомии обезьяны скрыт в анатомии человека и, наоборот, ключ к анатомии человека находится в анатомии обезьяны, то в случае эволюции и отражающих ее эволюционных теорий ключ к предшествующей эволюции лежит в последующей и наоборот. Ключ к теории биологической эволюции заключается в теории социальной эволюции, и, наоборот, ключ к теории социальной эволюции заключается в теории биологической эволюции. Общим же в обеих эволюциях является воспроизводство этих двух конкретных форм материи – биологической и социальной, которое получает свое отражение и объяснение в соответствующих теориях биологической и социальной эволюций. Воспроизводство в последней, т. е. в теории общественно-экономических формаций, представлено в политэкономической форме, причем как теория капиталистического воспроизводства К. Маркса. Однако освобожденная от этой частной политэкономической формы и в то же время развитая до всеобщей формы теория К. Маркса становится теорией воспроизводства человека и воспроизводства вообще, т. е. любого логически возможного воспроизводства, производства как такового. Тогда можно попытаться рассмотреть эволюцию материи и ее стадии через «призму» теории и понятий воспроизводства, и тогда оказывается, что материя в целом и ее отдельные формы представляют из себя разные виды *самовоспроизводства*, а эволюция в целом и отдельные ее стадии есть переход между самовоспроизводящимися и саморазвивающимися материальными системами и в то же время преобразование этих систем, происхождение одних таких систем из других, последующих из предшествующих.

Если эволюция материи и составляющие ее эволюции частных форм материи, как и человеческое воспроизводство, в своей главной тенденции есть расширяющееся, *перманентно развивающееся* самовоспроизводство, то основные, обязательные свойства и элементы этой эволюции, этого самовоспроизводства в целом и его отдельных стадий, отдельных самовоспроизводств должны быть те же или сходны, что и у любого другого воспроизводства, в том числе у социального воспроизводства, или воспроизводства человеком самого себя. В состав последнего, как известно, входят объект

и субъект производства, структура и факторы производства, отношения производства, наконец, возникающее из этих отношений и их противоречий преобразование производства, порождение одним способом производства другого способа производства. Все эти элементы в разном качестве и количестве, в разной степени развития есть во всех природных, как и во всех социальных воспроизводствах. В эволюции органического мира, биологической формы материи есть сразу несколько особых биологических «способов воспроизводства» – воспроизводство видами, экосистемами, биосферы, биологической формы материи в целом самих себя. Поэтому даже традиционные определения вида так же, как и определения экосистемы и биосферы, отражают все необходимые и достаточные составляющие материальной самовоспроизводящейся системы, определенного, особого самовоспроизводства. В ходе самовоспроизводства вида появляются особи, обладающие некими адаптивными преимуществами. Определенное количество этих особей, достигнув стадии новой формы, в ходе конкурентной борьбы вытесняют старую форму, образуя полноценный новый вид, а тем самым и новый способ воспроизводства, когда один из видов оказывается способен жить за счет нового источника питания в новой географической местности с иными температурными и прочими параметрами, освоив тем самым новую экологическую нишу и став в ходе этого освоения новым видом или несколькими новыми видами. Так, в Техасе в результате дивергенции самовоспроизводств один вид дуба (*Quercus mohriana*) растет (воспроизводится) на известняковой почве, другой (*Q. havardi*) – на песчаной, а третий (*Q. grisea*) – на выходах магматических пород. Это может быть и некий принципиально новый тип какой-либо составляющей старого способа воспроизводства или новый тип воспроизводства в целом. Так, когда-то бактерии для своего воспроизводства стали использовать кислород, другие химические элементы и соединения и, став не только другими новыми видами, но и принципиально новыми типами бактерий, заселили самые разнообразные среды.

Изменение видов и изменение способов воспроизводства некоторое время проходит в пределах одной более общей целостности, представляющей из себя относительно устойчивый баланс видов или даже экосистем и, тем самым, тоже являющейся самовоспроизводством. В свою очередь такие взаимосвязанные и сбалансированные между собой экосистемы в совокупности составляют определенную, конкретно-историческую, т. е. конкретно-эволюционную биосферу. В процессе воспроизводства видов и экосистем, составляющих целостность того или иного уровня, они, воспроизводя себя, в то же время изменяются, становясь другими видами, экосистемами, и, в конечном счете, приводят к становлению другой биосферы. Накопление противоречий в биологических воспроизводствах, т. е. внутри видов и экосистем, и между ними, приводит в итоге к определенному неразрешимому в рамках данной экосистемы или биосферы в целом противоречию и к ее кризису, завершающемуся либо полной, или частичной гибелью экосистемы, либо заменой ее другой экосистемой и формированию другой биосферы. Результаты этих смен предстают перед биологом, геологом и другими специалистами как «следы былых катастроф» [Будыко 1984; Лапо 1987].

В ходе этих смен малых и больших самовоспроизводящихся биологических систем каждый предыдущий способ воспроизводства, сменяясь последующим, тем самым превосходит, «снимает» самого себя, порождает то, чего еще не было. В одной из таких систем от 6 до 2 млн лет назад появился такой биологический способ воспроизводства, который породил не просто качественно отличающийся от него и превосходящий его, а принципиально новый, социальный способ воспроизводства. В процессе социальной эволюции человек, воспроизводя себя, тоже меняется, в том числе и биологически, но ведущим изменением уже является социальное, культурное и т. д., т. е. надбиологическое. Социальное же изменение человека в процессе воспроизводства им самого себя приводит в конечном итоге к изменению социального способа воспроизводства и, соответственно, к изменению данной социальной системы.

Главное отличие всех добиологических и тем более досоциальных воспроизводств от биологического и социального воспроизводства состоит в том, что в каждом из этих предшествующих воспроизводств объект воспроизводства равен субъекту воспроизводства, и, наоборот, они тождественны друг другу. В таких воспроизводствах, какими являются звезды и какие представляют из себя природные, естественные и самозданные технологии, гелий и водород, вступающие в термоядерную реакцию, являются равно исходным сырьем, одновременно объектом и субъектом данного воспроизводства. Иначе говоря, на добиологических, особенно на начальных этапах эволюции материи воспроизводство имело еще простейший вид *взаимодействия объектов*, составлявших это воспроизводство.

Отличительной чертой всех биологических воспроизводств является появление *субъекта* производства. Но в биологическом воспроизводстве этот субъект так же, как и в добиологическом, одновременно еще остается и объектом. Социальное воспроизводство отличается тем, что субъект этого воспроизводства уже перестает быть объектом. Бывают исключения, когда одна часть этого субъекта использует другую часть этого же субъекта (другую расу, народ, социальную группу) как объект, но это деформация воспроизводства человеком самого себя как человека. Деформация заключается в существовании и сохранении в течение какого-то времени старых, биологических (дочеловеческих) способов воспроизводства в становящемся новом, собственно человеческом способе.

В каждом новом воспроизводстве сохраняется в снятом виде воспроизводство предыдущей стадии, причем оно, это снятое воспроизводство, находится в основе следующего воспроизводства, подчиняясь ему и находясь с ним в целостном, хотя и противоречивом, сложном единстве.

Соотношение общей и частных (специальных) теорий эволюции

Если мир един как развивающаяся материя, как самосозидание, как эволюция самого себя и если он познаваем, то в принципе возможна и, более того, необходима научная эволюционная картина этого мира, теории, отражающие и объясняющие отдельные стадии этой всеобщей эволюции, а также переход из одной стадии в другую. Теория этой смены эволюционных стадий, порождения предыдущей стадией эволюции материи ее последующей стадией, так же как и всех ее «ответвлений», разнонаправленных, в том числе обратных, потоков и «тупиков», соединяет частные теории эволюции, в том числе такие, как теория биологической эволюции и теория социальной эволюции.

Наиболее сложными и малоизученными остаются переходы от одной частной эволюции к другой, особенности и законы таких переходов, что обусловлено не только разной степенью развития соответствующих исследований и построенных на их основе теорий, а также разной степенью идеологизации теорий и исследований, но и сложностью, противоречивостью самих переходов, скачков между эволюционными стадиями. Разрыв между теориями биологической и социальной эволюции вызван тем, что в самой эволюции человека при переходе от его сугубо биологической к социальной стадии произошел качественный скачок от одного способа воспроизводства к другому, когда чисто биологическая эволюция человека преобразовалась в социальную эволюцию. Во время этого скачка, этого преобразования уже переставали действовать законы биологической эволюции и еще только начинали действовать, становились законы социальной эволюции. Иначе говоря, был некий период, в котором действовали особые, специфически законы именно этого преобразования. Следовательно, возможна и нужна теория этого переходного периода, этого преобразования. В антропологии, в частности в советской, такие теории были предложены [Семенов 1989]. В этом случае теория перехода законов биологической эволюции человека в законы социальной эволюции становится своеобразным «мостиком» между такими двумя частными теориями эволюции, как теория биологической эволюции и теория социальной эволюции.

Эволюционная теория и эволюционная картина мира

Как только появились первые эволюционные теории, против их признания были выдвинуты возражения с точки зрения тех представлений о теории, которые являлись и часто до сих пор являются общепринятыми и потому нормальными и правильными в философии науки, а также в науке, в физике, химии, биологии. Одно из них заключается в том, что ввиду сложности, многокомпонентности и многоуровневости предмета эволюционной теории она не может быть собственно теорией, во всяком случае, в традиционном понимании этого термина. Но ведь и многие физические и биологические теории, вовсе не являющиеся эволюционными, представляют собой теории многокомпонентных, многоуровневых и сложных объектов, в том числе сложных и многоуровневых *процессов*, что не мешает им соответствовать всем или хотя бы основным признакам, критериям и нормам «нормальной» теории. Таковы, скажем, многие экологические теории, в том числе теория трофических цепей. Вполне полноценными, как было доказано, являются и имеющиеся эволюционные теории, будь то теория эволюции вселенной, элементарных частиц или теория биологической эволюции. Последняя, сформировавшаяся первоначально как «синтетическая теория эволюции», названная Б.М. Медниковым дарвинизмом в XX в. [Медников 1975], особенно тщательно, можно сказать, придирчиво и неоднократно «экзаменовалась» на соответствие понятию научной теории. Вердикт, вынесенный еще в 1970–80-х гг., в итоге оказался положительным, хотя в то же время были выявлены некоторые особенности теории биологической эволюции, отличающие ее от теории классического типа; см., например: [Крисаченко 1990; Hull 1974; Ruse 1973; Ruse 1977; Ruse 1989].

Еще более важным представляется философско-мировоззренческий, или собственно философский, вывод о том, что эволюционная теория не только имеет право на существование, но и, появившись в науке позднее, является теорией более высокого уровня и принципиально иного типа, так как представляет собой результат познания постоянно эволюционирующего предмета. Если материя может в процессе самосозидания, самозволюции восходить на все более высокие и сложные ступени этой эволюции, подниматься по все более «высоким» и «крутым» спиралям эволюционной «лестницы», то уже по одному этому она оказывается способной познавать свое собственное восхождение, свою эволюцию. Творя самое себя, она одновременно творит и возможность самопознания и его средства. Более того, это самопознание в свою очередь становится новым инструментом самосозидания материей самой себя, созидания человеком самого себя и всего окружающего, очеловечиваемого им мира в процессе собственной эволюции.

От теории социальной эволюции к теории постсоциальной эволюции

На первоначальной стадии социальной эволюции человек уже начал воспроизводить себя не только как социальное, но и как биологическое существо с помощью человеческого способа воспроизводства. В отличие от животных, использующих самих себя, свои зубы, лапы и другие органы в качестве инструментов для выживания и оставления потомства, для самовоспроизводства самих себя как биологических видов, человек выживал, создавая, производя специальные предметы, искусственные органы, все более дополнявшие и заменявшие ему его собственные, естественные, приобретенные им в ходе предшествующей эволюции. Сначала это был каменный топор, потом лук и стрелы, лодка, весло, парус, колесо, ветряная и водяная мельницы, затем паровая машина, арифмометр, самолет, ракета, персональный компьютер. Наряду с этими техническими устройствами, техническими «инструментами» им были созданы сначала советы старейшин, ритуалы, затем церковь, государство, партии и прочие самые разнообразные социальные, политические и иные многочисленные инструменты и машины.

Человек также научился создавать такие искусственные органы, которые заменяют естественные органы и части его собственного биологического, природного тела.

Такие, например, как хрусталик, почка, сердце, суставы. В конце концов, наступит тот день, когда он будет в состоянии заменять не только отдельные части своего тела, но и обновлять его периодически в целом, получив возможность почти бесконечно удлинять свою индивидуальную жизнь и гарантированно создать себе по своему собственному усмотрению бессмертие и рай на земле?

Человек давно способен создавать и давно создает не только новые искусственные предметы из естественных материалов и веществ, но и новые искусственные вещества и искусственные процессы, в том числе искусственные мини-эволюции. Ведь именно такими по сути являются процессы выведения им новых пород животных и сортов растений, в том числе с помощью современных биотехнологий, процессы создания новых технических устройств и систем, в том числе информационных. Еще «отцы-основатели» СТЭ, в особенности Дж. Хаксли и Ф.Г. Добржанский, отмечали, что человек, причем независимо от его субъективных желаний и намерений, уже стал главным фактором эволюции, его ведущей движущей силой, той силой, от которой зависит не только дальнейший ход его собственной эволюции и эволюции всего живого на Земле, но и его собственное и всего живого дальнейшее существование [Галл, Конашев 2000].

Вся биосфера уже фактически стала частью воспроизводства человеком самого себя и всего остального органического мира, подчиненной частью этого человеческого воспроизводства, человеческой эволюции. Разумеется, это вовсе не отменяет зависимости человека и его эволюции от всего остального органического мира и эволюции этого мира, не отменяет их коэволюции. Как не означает и того, что человек может произвольно, по капризу, управлять своей собственной и биологической эволюциями. Создавая, осознанно или нет, нечто новое, некую новую часть материи, он создает, осознанно или нет, и законы ее существования и развития, законы своей собственной эволюции. Лучше, конечно, если он создает эти новые части мира и их эволюцию осознанно, со знанием соответствующих законов, в гармонии с ними. За всякое незнание и самодовольство приходится платить. Ибо, перефразируя, жить в эволюции и быть свободным от эволюции нельзя. Без теорий частных эволюций, без теории собственной перманентно преобразующей эволюционной деятельности, без научной эволюционной картины мира, эволюционной философии и эволюционной культуры, а, главное, без самой новой *эволюционной деятельности*, без *эволюционной практики*, заключающейся в человеческом созидании нового, человеческого эволюционирующего мира, стать, быть и развиваться свободным, т. е. собственно человеком, *Homo sapiens et humanus*, невозможно [Конашев 2011].

Когда Дж. Хаксли писал об управляемой эволюции, а В.И. Вернадский об эволюции ноосферы, то уже тогда перед человеком встал жесткий выбор: либо начинать становиться действительным *субъектом*, созидателем, творцом своей собственной эволюции и эволюции всего доступного человеку мира, умело «оседлав» проходящие в этом мире эволюционные процессы, биологическую и социальную эволюции в целом, либо оставаться лишь *объектом* этих процессов, платя огромную, с трагическими последствиями, дань своим собственным предрассудкам, своему невежеству и эволюционному прошлому. К сожалению, сегодня, как и вчера, этот выбор, от которого все равно никуда не деться, по многим причинам так и не сделан. Помимо всего прочего более чем предостаточно тех, кто, являясь заложником так и не понятого и отрицаемого ими эволюционного прошлого человека, печальных ошибок и издержек его предыстории, вполне искренне, из лучших побуждений, или далеко небескорыстно держит в заложниках и других. Можно не верить полученным научным знаниям, можно по тем или иным основаниям не верить в теорию эволюции так же, как когда-то не верили в теорию иммунитета и отказывались от прививок. Но последствия такого неверия и сопротивления уже познанной, пусть и относительно, необходимости окажутся такими, которые следуют из теории эволюции. На основе даже того минимума эволюционных знаний, которыми уже обладает человек, неизбежно

далеко не самое сложное заключение: выживают те виды, которые находят пути и способы решения тех проблем и задач, которые неотвратимо ставит перед ними эволюция. В ходе своей предшествующей эволюции человек достиг такой стадии, когда он оказался перед необходимостью не только признать факт эволюции, в том числе своей собственной, но и овладеть этой эволюцией. В противном случае его ожидает судьба многих других, уже вымерших или вымирающих видов.

Справиться с этой уже вставшей перед ним эволюционной задачей человек не сможет, не решив проблему своей собственной эволюции, проблему завершения перехода от дочеловеческих способов воспроизводства, когда он оставался лишь объектом и средством воспроизводства, к человеческому способу, когда он становится его субъектом и целью. В этом случае, поскольку воспроизводство всего остального мира является подчиненным элементом человеческого воспроизводства, воспроизводство всего подчиненного естественно и неизбежно тоже становится целью, а не одним лишь средством человеческого воспроизводства. Такая постсоциальная эволюция является уже действительно человеческой, или гуманистической, эволюцией человека, *эволюционной гуманистической практикой*, а теория этой эволюции и перехода к ней, перехода от предыстории человека к собственно человеческой истории не может быть названа никак иначе как теорией гуманистической эволюции. Тогда, и только тогда, окажется справедливым и небезызвестное высказывание К. Маркса о том, что «естествознание включает в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет *одна наука*» [Маркс, Энгельс 1956, 596]. С одной поправкой: наукой о человеке, созидающем собственное эволюционирующее бытие, очеловеченную вселенную.

Ссылки – References in Russian

- Будыко 1984 – Будыко М.И. Эволюция биосферы. Л.: Гидрометеиздат, 1984.
- Галл, Конашев 2000 – Галл Я.М., Конашев М.Б. Джулиан Хаксли и Феодосий Добржанский: две версии эволюционного гуманизма // Наука и общество. СПб., 2000. С. 191–200.
- Глобальный... 1994 – Глобальный эволюционизм (Филос. анализ). М.: ИФРАН, 1994.
- Конашев 2011 – Конашев М.Б. Эволюционная теория и эволюционная культура (от эволюционной теории Ч. Дарвина ко всеобщему эволюционизму) // Идея эволюции в биологии и культуре / Отв. ред. Баксанский О.Е., Лисеев И.К. М.: «Канон +»; РООИ «Реабилитация», 2011. С. 301–325.
- Крисаченко 1990 – Крисаченко В.С. Философский анализ эволюционизма. Киев: Наукова думка, 1990.
- Лапо 1987 – Лапо А.В. Следы былых биосфер. М.: Знание, 1987.
- Маркс и Энгельс 1956 – Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956.
- Медников 1975 – Медников Б.М. Дарвинизм в XX веке. М.: Сов. Россия, 1975.
- Моисеев 1991 – Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.
- Моисеев 1993 – Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М.: ИздАТ, 1993.
- Розенталь 1984 – Розенталь И.Л. Теория эволюции Вселенной как следствие космологических постулатов. М.: ИКИ, 1984.
- Семенов 1989 – Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.
- Черникова 1987 – Черникова И.В. Глобальный эволюционизм (Филос.-методол. анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987.
- Эволюция... 2003 – Эволюция Вселенной и общие законы строения материи. М., 2003.

References

- Budyko, Mikhail I. (1984) *Evolution of the biosphere*, Gidrometeoizdat, Leningrad (in Russian).
- Chernikova, Irina V. (1987) *Global evolutionism: (Philosophical and methodological analysis)*, Izd-vo Tom. un-ta, Tomsk (in Russian).
- Evolution of the Universe and general laws of the structure of matter*, (2003), Moscow (in Russian).

- Gall, Yakov M., Konashev, Mikhail B. (2000) 'Julian Huxley and Theodosius Dobzhansky: two versions of evolutionary humanity', *Science and society*, Saint-Petersburg, pp. 191–200 (in Russian).
- Global evolutionism (Philosophical analysis)*, (1994), IFRAN, Moscow (in Russian).
- Hull, David. L. (1974) *Philosophy of Biological Science*, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey.
- Jantsch, Erich (1980) *The self-organizing Universe: Scientific and man implications of the emerging paradigm of evolution*, Pergamon Press, Oxford; New York.
- Konashev, Mikhail B. (2011) 'The evolutionary theory and evolutionary culture (from the evolutionary theory of Ch. Darwin to universal evolutionism)', *The Idea of evolution in biology and culture*, "Canon +"; ROOI "Rehabilitation", Moscow, pp. 301–325 (in Russian).
- Krisachenko, Valentin S. (1990) *Philosophical analysis of evolutionism*, Naukova dumka, Kiev (in Russian).
- Lapo, Andrey V. (1987) *Traces of former biospheres*, Znaniye, Moscow (in Russian).
- Marx, Karl and Engels, Friedrich (1956) *From early works*, Gostpolitizdat, Moscow (in Russian).
- Mednikov, Boris M. (1975) *Darwinism in the 20th century*, Sov. Rossiya, Moscow (in Russian).
- Moiseyev, Nikita N. (1991) 'Universal evolutionism (Position and investigations)', *Voprosy filosofii*, 1991, No. 3, pp. 3–28 (in Russian).
- Moiseyev, Nikita N. (1993) *Ascension to reason: Lectures on universal evolutionism and its applications*. IzDAT, Moscow (in Russian).
- Rosenthal, Iosif L. (1984) *The theory of evolution of the Universe as a result of cosmological postulates*. IKI, Moscow (in Russian).
- Ruse, Michael (1973) *The philosophy of biology*, Hutchinson, London.
- Ruse, Michael (1977) 'Karl Popper's philosophy of biology', *Philosophy of Science*, Vol. 44. 1977, No. 4, pp. 638–661.
- Ruse, Michael (1989) 'David Hull Through Two Decades', *What the Philosophy of Biology Is. Essays dedicated to David Hull*, Kluwer Academic Publishers, London.
- Semyonov, Yury I. (1989) *At the beginning of human history*, Mysl', Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КОНАШЕВ Михаил Борисович –
доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского
филиала Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук.

Author's Information

KONASHEV Mikhail B. –
DSc in Philosophy, Chief Researcher
of Saint-Petersburg Branch Institute
of the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences.